

Валерий ШАРАПОВ

**Холодные
сумерки**

МОСКВА

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Холодные
сумерки**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Холодные сумерки / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Советская
милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-215035-7

Конец восьмидесятых годов. Во Владивостоке ору-
дует жестокий маньяк. Пять жертв за две недели. Все —
женщины от двадцати до тридцати пяти лет, у всех на
теле вырезаны странные знаки, напоминающие сек-
тантские, и извлечены внутренности. Расследование
поручено майору милиции Дмитрию Меркулову. Он
понимает, что столкнулся с серией, но отказывается
верить, что это дело рук секты. По его мнению, убий-
ства совершает одиночка, владеющий навыками хи-
рурга. Очередное похожее преступление подталкива-
ет майора к решительным действиям. Он задумывает
поймать маньяка на живца, для чего просит свою кол-
легу подыграть ему в смертельно опасном спектакле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-215035-7

ИНТЕРЛЮДИЯ

Скульптор

Он не знал, как зовут эту девушку, и не хотел знать. Долгое время она оставалась для него просто «девочкой из киоска на остановке». Темноволосая, стройная, какие нравились ему со школьной поры, но что с того? Первый настоящий интерес возник к ней, когда Скульптор увидел ее с фотоаппаратом. От того, как она прикусывала губу, делая снимок, — сосредоточенно, как охотник при виде жертвы, — свело желудок. Девушка его не видела — он стоял за бетонным блоком, оставленным когда-то у заброшки.

Но по-настоящему его заворожили изменения в ней. Месяцы, недели он смотрел, как тускнеют ее глаза, как становятся слишком резкими, дергаными движения рук и головы. Он видел это и недоумевал: неужели больше никто этого не замечает? Не видит гусеницу, из которой нужно помочь вырасти бабочке, иначе погибнет? Нет, конечно. Другие люди смотрят иначе, это Скульптор понял давно.

А потом девушка перестала приносить камеру, и он ощутил — пора.

В тот день автобус все никак не ехал. Ветер продувал дорогу насквозь, и девушка ежилась, кутаясь в серую шерстяную кофту. Больше на остановке никого не было. Скульптор знал, что до смены на заводе еще три часа, что запоздалые огородники уже разъехались. Иначе он не подошел бы.

— Ну что же вы, девушка, ведь совсем застынете, — сочувственно сказал он, сутулясь. — Такси надо вызывать. Или радио не слушаете? Там ведь авария прямо перед депо, грузовик с кирпичами перевернулся, пока его еще уберут...

— Но у меня нет...

— А давайте я вас подвезу? Как раз возвращаюсь, вот, с добычей. — Он поднял пакет с купленной заранее на рынке зеленью и стеснительно улыбнулся. — Да вы не бойтесь. Я ведь сколько билетов лото у вас купил? Помните?

— Нет. — Отвечая, девушка не улыбнулась, но он знал, что победил. — Хорошо. Спасибо.

— Вот и хорошо, — говорил он, уводя ее на боковую грунтовку. — А то так и замерзли бы. А машина вон там, видите, сейчас дойдем, печку включу, и поедем. Только очки надену. Зрение ни к черту не годится.

Заводя двигатель, он открыл чехол для очков, который всегда носил с собой.

Внутри тускло блеснули сталь и стекло.

ГЛАВА 1

1. Засада

Жутко хотелось курить. Дмитрий маялся в мягком прохладном тумане, мечтая о сигарете. Стрельнуть можно было у оперативников, которые дымили что твой паровоз, но что он за хирдман¹ без силы воли? Клуб исторической реконструкции был тайной страстью Дмитрия — и тайным же стыдом. Советский следователь не должен бегать по полям, надев самодельную кольчугу, как какой-то хипарь. А еще советский следователь должен подавать положительный пример гражданам мазурикам.

Лес, окружающий станцию «Чайка», обнимающий Биолого-почвенный институт на вершине сопки, шумел листвой и граял воронами. Дмитрий мгновение подумал и протянул последнюю карамельку наглой и удивительно жирной белке, которые в изобилии здесь водились. Сублимировать желание закурить стало нечем.

— Эспандер купи, — сказал Михаил Измestьев. Этого опера из Первореченского отдела милиции

---

¹ Хирд — боевая дружина в Скандинавии эпохи викингов.

Дмитрий знал давно. Любимец женщин и любитель футбола, Миша-опер славился редкой нетерпимостью к медвежатникам. — Или закури уже. Дергаешься. Плохая примета.

Дмитрий только неопределенно пожал плечами. Не признаваться же в том, что поводом бросить курить стало подслушанное позавчера изречение: «Целоваться с курящим — все равно, что облизывать пепельницу» — от Ольги Эйвазовой, нового эксперта, только-только окончившей МГУ. Засмеют.

К тому же Миша подначивал не всерьез, он тоже нервничал. Сколько ни выезжай на задержания, а привыкнуть к ним не получится. Все равно будет потряхивать — от погрузки в бобики, от дороги, от неизвестности.

Гоша Переплетчик впервые попал в отделение в тринадцать — за кражу. Дальше — больше. Кража. Причинение тяжких телесных. Грабеж. Побег, за который он и получил прозвище. В последний раз Гоша вышел полгода назад, а позавчера, если информатор не соврал, с двумя подельниками взял груз шуб из химчистки на Снеговой. В химчистке осталось тело приемщицы, задержавшейся после сдачи кассы, чтобы дожидаться жениха. Не дождалась.

Теперь ждали оперативники.

Женщина, позвонившая в дежурку, напрочь отказалась сообщать имя или давать показания, но уверяла, что Гоша с подельниками прячет добычу именно здесь — в облупившемся зеленом домике

за покосившимся дощатым забором. Что приедут они вечером, двадцать первого мая, когда стемнеет.

— Машина, — тихо обронил Михаил, гася сигарету о подошву обуви.

И правда, по мокрой от тумана гравийке приближалась зеленая «шестерка» с какими-то кулями на верхнем багажнике. Опера подобралась. Дмитрий провел рукой по карману и мысленно выругался: во-первых, сигарет там больше не было, а во-вторых, не время.

«Шестерка» промчалась мимо, даже не притормозив, — дальше, к федеральной трассе. Молоденький лейтенант — Дмитрий все никак не мог запомнить его имя: то ли Владимир, то ли Владислав, — выругался.

— Может, наврала? — поинтересовался Михаил, чиркая спичкой. — Вот зараза, не хочет гореть, и все тут... Так вот, может, наврала и про базу, и про число? Сидят там сейчас и ржут над нами. Шубы считают. Слушайте, а там что, правда затесались песцы горкомовского секретаря? То есть его супруги.

— Праффда, — ответил Иван Таранд. Белобрысый и подтянутый эстонец десять лет как променял Балтийское море на Японское, но так и не избавился от мягкого акцента. — Только дело там не с шубами, а с платьями. Моя хорошайа потруга слушит в исполкоме машинисткой. Говорила, зафтра у председателя горисполкома встреча с делегацией из Ленинграда. Прием, ушин с супругами, а сатем прогулка по городу. А платья в чистке. Ну и шубы тошше, после зимы. Торогие!

— А подруга твоя хороша, — мечтательно вздохнул безымянный лейтенант. — Видел раз, как вы под ручку из театра выходили. Красавица. Как только подцепил такую. Даже говорить толком не выучился.

— Вот и витно, что молотой, — отбрил Иван, — Клавное не как каварить, а што. А еще вашно, што делаешь. Нишего, научишься...

— Тише, — Дмитрий кивнул на дорогу, где из тумана показался пикап, грязный и облезлый настолько, что заводской цвет было не угадать. — Они. Михаил, гаси свою... отраву.

Откуда приходила эта уверенность — он сам не знал. Просто чувствовал, что они. Может, дело было в том, как нагло, по-хозяйски держался на дороге пикап, как на долю секунды дольше, чем нужно для поворота, задержался луч фар на обшарпанных стенах дома.

Когда пикап, помедлив, свернул к воротам из железной сетки, Дмитрий даже не удивился.

Скрипнула дверь, из машины выбрался коренастый мужик в серой куртке и пузырящихся на коленях трениках, принялся возиться у замка. Механизм не поддавался: то ли заело, то ли заржавел, и до леска, где пряталась группа, донесся приглушенный голос.

«Об этом тоже сообщили по телефону. Вован Расторгуев. Вор-рецидивист. Один у ворот, один за рулем, а где третий? Остался в городе?»

— Ну ты, мать твою, волшебник, — то ли осуждающе, то ли одобрительно проворчал Михаил, доставая служебный «макаров».

Остальные повторили его движение. Сейчас было уже не до разговоров и смешков. Дождаться, пока все войдут в дом, окружить и...

Распахнулась водительская дверь пикапа, и из машины вылез сам Гоша — высоченный, тонкий и какой-то нескладный, словно собранный из жердин. Зло, так что пошло эхо, хлопнул дверью и прошел к воротам, вырвав из рук поделщика ключи. Оба бандита стояли спиной к деревьям, и от группы их отделяли только дорога и безлесная полоса вдоль нее.

— А вот теперь и пошли, — негромко скомандовал Михаил и бросился вперед.

За ним к дороге метнулись и остальные. Дмитрий только проводил оперов завистливым взглядом. Неимоверно хотелось туда же, в дело, хватать и крутить, азартно материться, но мешали недавно полученные корочки следователя. Отныне лихие наскоки не для него. Оставалось только смотреть, анализировать, а потом оформлять. И завидовать.

Мокрая трава скрадывала звук шагов, поэтому бандиты обернулись, только когда опера захрустели обувью по гравию. Несколько шагов.

— Га-а, — заорал Расторгуев, ощерясь прокуренной пастью, — волки па-азорные!

Он выхватил из кармана финку, щелкнул кнопкой, выбрасывая лезвие. Гоша молча полез в пикап через пассажирскую дверь.

Грохнул предупредительный выстрел, и он замер, сложившись чуть ли не вдвое.

— Не советую, — Михаил качнул стволом «макарова», из которого еще струился дымок. — Деваться вам некуда. Клади перо, и поедем спокойненько.

Деваться и правда было некуда. Дмитрий и отсюда, от деревьев, видел, что кольцо оперативников прижало бандитов к забору. Пикап? Не успеть. Лезть через забор или ворота? Стащат. Финита ля комедия. Точнее, трагедия.

Расторгуев тоже это понимал. Скалясь, глянул влево, вправо, крутя в пальцах нож.

— Распишу, как пасхальные яйца!..

Дальше все должно было пойти как по нотам. Немного ругани, немного вежливых уговоров — и парочка рецидивистов со скованными руками пакуются в бобик. Так и случилось бы, не стукни входная дверь.

— Ложись! — заорал Дмитрий еще прежде, чем увидел отблеск металла на ружейном стволе.

«Не малина, хаза! Они не прячут тут хабар, а живут! И третий остался здесь, пока те двое ездили...»

Додумать не дали. Выстрел. По кустам левее хлестнула дробь, и Дмитрий рухнул за ближайшее дерево — старый толстый клен.

Оттуда он видел, как оперативники разбегаются в стороны, ища укрытие. Как Михаил бросается в ноги Вовану и валит его, приложив головой о железный столб ворот. Как мужик в одних подштанниках пытается дрожащими руками перезарядить ружье. Как Гоша огромными прыжками несется к лесу. К нему.

— Стой, стрелять буду!

Дмитрий вскочил, нащупывая рукоять пистолета, — и тут же отпрыгнул, когда рецидивист отмахнулся ножом. Ломая кусты, Переплетчик проскочил мимо и понесся по тропе вверх, к вершине сопки.

«А тропа идет до НИИ. А там — ищи ветра в поле».

Додумывал Дмитрий уже на бегу. Потерять Переплетчика он не боялся: сворачивать с тропы в лес ночью — только ноги ломать.

Бегать за преступниками Дмитрий не любил, еще будучи опером. Это в кино милиционеры — и западные копы — несутся, словно марафонцы на стероидах, а воришки еле плетутся. В реальности новые казенные ботинки натирают ноги, в боку колет, что твоей финкой, прокуренные легкие не дают вдохнуть, а такой вот Гоша бежит, переставляя свои циркули, словно сдает норму ГТО на скорость.

«Ничего. В тюрьме марафонам и здоровому образу жизни не учат».

Пот заливал глаза, но спина Переплетчика все-таки приближалась. Ближе. Еще. Почти. Бандит оглянулся, сверкнув оскалом. Почему-то это разозлило Дмитрия, жутко захотелось выбить ему зубы, переломать кости, даже если уголовно-процессуальный кодекс был против. Он выдохнул, прыгнул вперед, отмахнулся от ножа, перехватил руку Переплетчика, бросил и провел удушающий прием... И лишь когда мазурик захрипел, придушенный,

Дмитрий сообразил, что рука болит обжигающей, мерзкой болью.

«Зацепил, гад».

Зашелкнув на Гоше наручники потуже, Дмитрий, шипя от боли, поднял рукав. К счастью, разрез оказался неглубоким, но длинным: нож скользнул вдоль предплечья. Жить можно.

— С-сука. Ментяра поганый. К-кукан ссученный...

Стрельба там, внизу, утихла, зато слабо доносился мат опера, отчаянный собачий лай и взвизги огородниц, собравшихся посмотреть, что происходит. Лес вокруг, испуганный было погоней, тоже оживал лягушачьим кваканьем.

Курить хотелось так, что сводило пальцы.

— Вставай, — выдохнул Дмитрий, вздергивая Гошу на ноги. — Побегал — теперь посидишь.

Выйдя из-за деревьев, он понял, что все действительно закончилось. Вован сидел у пикапа, держась за голову скованными руками. Оперативники отгоняли дачников, отбирали из них же понятых, уже начали обшаривать дом и территорию. По дороге приближались фары бобиков, оставленных перед засадой на боковой улочке. Там же посверкивала огоньками «Скорая» — кто-то успел вызвать.

А на пороге зеленого обшарпанного дома лежал мужик в подштанниках. Так, что даже издали было видно: уже не встанет. Живые так не лежат. Третий, Григорий Овчинников по кличке Рас-

стегай, мог больше не бояться тюрьмы или расстрела.

«Вот гадство, теперь лишний рапорт писать».

II. Разнос

В управление вернулись далеко за полночь, но обитатели здания еще и не думали уходить. Стоило открыть дверь, как на улицу выплеснулся гам голосов, отчаянный стук печатных машинок и забористая приглушенная ругань. Михаил, который шел первым, ведя Вована, прислушался и кивнул сам себе.

— Беню-щипача снова привели. Вон, заливаются. Кто, кроме него, матерится так, словно из академий не вылезает, хотя сам после пятого класса в школе-то не появлялся? «Артроспиры переливчатые», надо же.

Дежурный сержант поднял взгляд от журнала.

— Миша! Все целы?

Дмитрий поднял руку, демонстрируя толстую повязку, наложенную в «Скорой». Как ни странно, из всей группы серьезно досталось только ему. Иван слегка потянул лодыжку, поскользнувшись на гравии, кому-то Переплетчик, пробегая мимо, поставил фингал, но на этом список травм исчерпывался. Чудо, потому что ружье Расстегая было заряжено крупной дробью, и возьми он чуть ниже!..

Чудо, впрочем, объяснилось просто. Когда оперативники, переступая через тело, вошли в дом, их встретила такая волна сивушной вони, что стало

понятно: Расстегай, оставшись в одиночестве, пил не просыхая. Деревенский Игорь, понюхав кружку, авторитетно заявил, что в картофельный самогон явно добавляли полынь. Скорее всего, Расстегай, стоя на высоком крыльце, просто не видел, куда стреляет. Повезло.

— Мы целы. Синяки и порезы не в счет. А вот...
Сержант бегло оглядел ввалившуюся толпу.

— Расстегай?

— Кончился Расстегай. Прямо в сердце, навлет.

— Влетит, — констатировал сержант, вписывая в журнал время и фамилии. — Курлянд уже час в кабинете сидит, злой, как медведь. Все очки сгрыз.

Полковник Давид Михайлович Курлянд, начальник отдела особо опасных преступлений, работал в сыске чуть ли не с палеозоя. Сотрудники прозвали его Дедом, он их в ответ называл ищейками. В последние годы у Деда начало сдавать зрение, и на тощем скуластом лице появились ненавистные толстые очки в роговой оправе. Почти сразу у Курлянда появилась привычка: грызть дужки, когда он злился или нервничал. Он срывал с глаз очки, смотрел на виновника его плохого настроения бледно-серыми глазами навывкате, засовывал дужку в рот...

По словам сержанта, головомойка предстояла знатная. Да и то сказать — за дело.

Покачав головой, Дмитрий отправился в свой кабинет, где ждала старая печатная машинка, у ко-

торой плохо пропечатывался мягкий знак. Сзади доносился голос Михаила, сопровождавшего задержанных в обезьянник.

— О, Бенья! Какими судьбами? Что? Часы сами упали, а ты подобрал и нес вернуть? Какой сознательный, молодец! А держат за что? По ошибке, родельфисы поганые? А что такое родельфис?

Дверь закрылась, оставив только мягкий шум ночной улицы. Уходя, Дмитрий оставил зарешеченное окно приоткрытым, и сейчас в кабинете царил приятная прохлада.

Усевшись за стол, он заправил в машинку первый бланк и задумался, пытаясь понять, с чего начать. Так. Вещдоки отправлены в хранилище, под подпись. Задержанные заперты, ждут допросов. Описать ход операции... ход операции, которую готовили в спешке под его, Дмитрия, руководством.

«В 15:23 в управление поступил звонок от гражданки, пожелавшей остаться неизвестной. В ходе телефонного разговора была сообщена информация о том, что планируется преступление: ограбление...»

Спустя час рядом с машинкой появилась стопка отпечатанных листов. Дмитрий откинулся на спинку стула и потер глаза. Врач в «Скорой» вколол какую-то дрянь, и теперь мысли ворочались ленивыми гусеницами, расплзались в стороны. И очень хотелось пить. Поднявшись, он прошел по выкрашенному ядовито-зеленой краской коридору до туалета, налил стакан холодной воды, отда-

ющей хлоркой, и выпил залпом. Потом еще один. Подумал, открыл кран и осторожно, чтобы вода не брызгала на повязку, сунул под нее голову.

Вынырнул, отфыркиваясь, довольно растер лицо полотенцем, вытер коротко стриженные волосы. Можно жить! Странно только, что еще не зовут на разнос. Дверь начальственного кабинета была закрыта, но в щели под ней горел свет — значит, Курлянд еще здесь. Может, занят?

Домой, в пустую квартиру, не тянуло — все равно не уснуть. Скорее хотелось, наплевав на предписания врача, завалиться в шалман и выплеснуть там и адреналин, и страх, и — чего скрывать — получить удовольствие. Поколебавшись, Дмитрий решительно направился в оперу — комнату, которую делили между собой оперативники. Если уж культурно отдохнуть, так хотя бы не одному.

Опера не засыпала никогда, а сейчас людей здесь было вдвое больше обычного: прежняя смена, задержавшись за писаниной, еще не ушла, а новая уже бодалась за столы.

— Да какое мне дело, хоть сальмонелла! — орал Михаил в трубку телефона. — Какое нам дело, что вы называете ее доченькой? Это чихухуа! Собака! Поговорите с участковым. Расклейте объявления. Оперативный отдел такими делами не занимается. Что? Зачем мы тогда нужны? Будете жаловаться? Сколько угодно!

С грохотом опустив трубку на рычаги, он всплеснул руками.

— И вроде бы давно работаешь, ко всему привык, но чем вообще эти дежурные занимаются? Не понять по заявлению о пропаже, идет речь о ребенке или мелкой собакообразной крысе? Зачем они там сидят вообще?

— Они там сидят, чтобы у нас всегда был чай с сахаром, — уверил его Дмитрий, выкладывая на стол конфискованные в дежурной части трофеи. Сегодня дежурили женатики, и раскулачивать их пришлось с утра. Так Дмитрий обзавелся чаем, сахаром, ванильными сухарями, сливочным маслом и малиновым вареньем. Почти такое же варила мать, жарким июлем на летней кухне, и воздух пах детством — сладко и тонко.

— Дело! — Игорь оживился, ухватил сухарь и с удовольствием захрустел им. — А то брюхо аж звенит.

— Дед не звал? — поинтересовался Дмитрий, кивая на коридор.

Михаил покачал головой, зачерпывая варенье.

— У него там посол. То есть курьер от самого, из горисполкома. Да не трусь. Дело мы сделали, а начальство для того и существует, чтобы ругать и направлять, хоть ты следователь, хоть опер.

Дмитрий неопределенно хмыкнул. Так-то оно так, но к новым корочкам, которые почти делали начальством его самого, он еще не привык, и грядущий разнос ощущался иначе. Хотя так-то Михаил, конечно, был прав.

— Я вот все думаю, — задумчиво начал он, наливая чай. Добавил три ложки сахара, зазвенел